

Е. Э. Липшиц

**СЛАВЯНСКАЯ ОБЩИНА И ЕЕ РОЛЬ В ФОРМИРОВАНИИ
ВИЗАНТИЙСКОГО ФЕОДАЛИЗМА¹**

Известно, что со времени смерти императора Юстиниана и с момента крушения его грандиозных предприятий по восстановлению мировой „римской“ империи вплоть до IX в. византийское государство почти не выходило из тяжелого внешнеполитического кризиса. Войны с сасанидским Ираном, а затем и с арабским халифатом в конечном счете оторвали от империи жизненно важные центры провинций Сирии и Египта; славянские и болгарские войны на Балканах неоднократно ставили под угрозу все европейские владения империи, вражеские полки не раз стояли в эти годы под стенами Константинополя. На Западе — в Италии — лангобарды, франки и папское государство подрывали власть византийских императоров на всем полуострове, оставив от экархата лишь жалкие клочки.

В то же время империю потрясал и изнутри острый политический кризис, приводивший к частой смене правителей. К тому же из хроник мы узнаем о массовых бедствиях: морах, эпидемиях, голоде, землетрясениях, уносивших большое число человеческих жизней и, следовательно, усугублявших и без того тягостное положение населения империи. Поистине можно сказать, что во всей истории Византии вряд ли можно найти более безотрадный период времени, чем эти три столетия, именуемые не без основания „темными веками“ византийской истории.

Казалось бы, что внешнеполитический кризис в сочетании с экономическим развалом всей государственной системы, сопро-

¹ Настоящая статья представляет собой автореферат одноименного, подготовленного к печати исследования. Доложена на сессии Отделения истории и философии АН СССР 28 апреля 1945 г.

воздавшимся к тому же естественными бедствиями, должен был бы неминуемо привести к гибели и самое государство и его правителей. Однако, как известно, этого не произошло. Наоборот, произошло нечто, казалось бы, неожиданное.

Империя успешно справилась со всеми трудностями, прочно удержала оставшуюся часть своей территории, хотя и лишилась важных провинций как на Востоке, так и на Западе. Но более того. Со второй половины IX в. она настолько оправилась, что смогла перейти при императорах Македонской династии в новое наступление, побивая своих противников на полях битв и распространяя свое культурное влияние в дни мира через православных миссионеров.

Если империя VI в. кажется государством, стоящим на краю гибели, то империя X—XII вв. переживает „второй золотой век“, по образному выражению Шарля Дилля.

Но спрашивается, откуда же империя почерпнула силы, которые ей дали возможность справиться со всеми осаждавшими ее извне и изнутри врагами? Этот вопрос — важнейший для понимания всего хода исторического развития Византии — ставился неоднократно исследователями еще в XIX в.

Наиболее значительный вклад в дело его разрешения внес академик В. Г. Васильевский.¹ В своих исследованиях, посвященных внутренней истории Византии, Васильевский высказал мысль, что решающую роль в процессе обновления империи сыграла славянская колонизация — распространение на территории империи славянских общин в VII—VIII вв. Сходную точку зрения высказывал и академик Ф. И. Успенский.² Таким образом, вопрос этот оказался теснейшим образом связанным с проблемой славянской колонизации Балканского полуострова и вызвал острую дискуссию в кругах историков и филологов в течение всего XIX в.

Однако возникает вопрос: почему же, несмотря на большое внимание, которое отводилось проблеме о роли славянской общины Византии крупнейшими исследователями, она осталась и до сих пор далеко не выясненной. Главной причиной такого положения вещей является исключительная скудость документации по социальной и экономической истории Византии этого периода времени.

¹ В. Г. Васильевский. Законодательство иконоборцев. Труды, т. IV, Л., 1930.

² Ф. И. Успенский. К истории крестьянского землевладения в Византии. ЖМНП, 1883, кн. 2, ч. 223; его же. Социальная эволюция и феодализация Византии, Анналы, II, 1923 и др.

Бедность сведений, имеющихсся в распоряжении современных исследователей, объясняется в значительной степени тем, что эпоха славянской колонизации в Византии совпадает с временем исключительно обостренных религиозных дискуссий иконоборцев с иконопочитателями, выросших на почве глубоких социальных противоречий и сопровождавшихся уничтожением большого числа документальных и литературных источников.

Частые упоминания у византийских и западноевропейских писателей, современных изучаемой эпохе, о многократных нападениях славян на империю и даже об их поселении на территории империи не оставляют как будто бы места каким-либо сомнениям в самом факте славянской колонизации. Однако краткость и неопределенность этих сообщений нарративных источников не дает возможности восстановить последовательный ход событий и локализовать и характеризовать с достаточной точностью и полнотой самые поселения. Единственный документ, содержащий более или менее подробные данные, позволяющие судить о внутреннем строе крестьянских общин и об их повседневной хозяйственной жизни — „Земледельческий закон“. Но этот документ не имеет в своем тексте указания ни на место, ни на время своего издания. Закон этот, являющийся бесспорно уникальным по своей важности памятником, заслуживающим первостепенного внимания при изучении проблемы славянской колонизации, представляет в то же время чрезвычайно значительные трудности как в отношении своего истолкования, так и в смысле датировки и локализации. Неудивительно поэтому, что, несмотря на все достоинства аргументации академика Васильевского, а затем и академика Успенского, вопрос остался дискуссионным.

В начале текущего столетия ученый секретарь Русского археологического института в Константинополе Б. А. Панченко попытался дать в своем исследовании о крестьянской собственности в Византии интерпретацию закона, диаметрально противоположную той, которую отстаивали его предшественники.¹ Б. А. Панченко отвергал полностью все главные положения В. Г. Васильевского и отрицал самый факт существования общины в Византии.

Несмотря на весьма авторитетную и основательную критику,²

¹ Б. А. Панченко. Крестьянская собственность в Византии. Изв. Русского археологического института в Константинополе, X (1904).

² Ср. П. Б. Безобразов. Византийский Временник, т. XVII. Рецензия на работу Мутафчиева П. Сельское землевладение в Византии. София, 1910; А. А. Васильев, ЖМНП, ч. 239, 1905, № 6, отд. 2, стр. 452—453; пером. Михаил, Византийский Временник, т. XI, стр. 588.

встреченную его работой, она повлияла на последующих исследователей.¹

В настоящее время, когда, в ходе дальнейших исследований и публикаций нового материала, вопрос приобрел значительно большую ясность, своевременно поставить его вновь, хотя и сейчас далеко не все может считаться окончательно разрешенным.

Основанием для нового рассмотрения вопроса является прежде всего то, что в течение текущего столетия был опубликован новый материал, который не был использован, а отчасти и не был известен во времена В. Г. Васильевского и Ф. И. Успенского. К тому же разбросанные данные источников сейчас систематически сведены и критически пересмотрены заново. После работ А. А. Васильева,² Л. Нидерле,³ Ф. Дворника,⁴ а также и некоторых статей наших советских исследователей, вопрос славянской колонизации Балканского полуострова может считаться во многих своих частях выясненным. Важные данные, конкретизирующие картину аваро-славянских нападений на византийский пограничный придунайский район в VI в., внесли материалы археологических исследований, производившихся в Болгарии в течение последнего десятилетия. Находки оружия, сельскохозяйственных орудий, предметов украшения, выявление самого характера этих укрепленных деревенских общин, расположенных в стратегически сильных пунктах обороны империи по дунайской ее границе, прекрасно дополняют и корректируют неполные и часто неточные данные письменных источников. Дальнейшие археологические исследования, надо думать, позволят заполнить многие пробелы в наших знаниях, — пробелы, казавшиеся совсем еще недавно почти безнадежными. Но и в отношении круга вопросов, связанных с „Земледельческим законом“, мы располагаем сейчас значительно более богатым материалом, позволяющим внести в истолкование этого важнейшего для социальной истории Византии источника значительно большую ясность,

¹ Ср., напр., G. Ostrogorsky. Die ländliche Steuergemeinde des byzantinischen Reiches im X Jahrh. Vierteljahrschr. für Social- und Wirtschaftsgeschichte, XX. Stuttgart, 1927; Г. Острогорский. Византийский податный устав. Сб. ст. изд. в память Н. П. Кондакова, Прага, 1926; F. Dölger. Beiträge zur byzantinischen Finanzverwaltung besonders des IX—X Jahrh., Byz. Archiv, H. 9, 1927; C. Vernadsky, Byzantium, II (1925) и некоторые другие исследования.

² А. Васильев. Славяне в Греции. Византийский Временник, т. V.

³ L. Niederle, Manuel de l'antiquité slave, I—II, 1923.

⁴ F. Dvornik. La vie de saint Grégoire le Décapolite et les slaves macédoniens au IX siècle. Paris, 1926; F. Dvornik. Les slaves, Byzance et Rome au IX siècle, Paris, 1926.

а тем самым и с гораздо большей определенностью ответить на вопрос о месте и роли славянской общины в Византии.

Прежде всего нужно сказать, что мы значительно продвинулись вперед в деле выяснения первоначального подлинного текста „Земледельческого закона“. Известно, что „Земледельческий закон“ принадлежит к числу документов, пользовавшихся исключительной популярностью на Балканах в течение всего Средневековья. В рукописных собраниях Западной Европы, Советского Союза и балканских государств насчитывается около сотни списков этого закона X—XVI вв., не говоря уже о позднейших законодательных сборниках славянских балканских государств, куда он был включен. Сравнительно недавно был опубликован текст „Земледельческого закона“ по рукописи XVIII в., хранящейся в собрании Румынской Академии Наук,¹ представляющий ряд значительных и чрезвычайно интересных отступлений от текста рукописей более раннего времени. Вообще, в рукописной традиции текст „Земледельческого закона“ представлен чрезвычайно многообразно и богато. Не говоря уже о его многочисленных вариантах в греческих рукописях, имеется и несколько переводов его на славянские языки.

В настоящее время, на основе работ, проделанных предшествующими исследователями, а также непосредственного изучения рукописных версий закона в собрании Государственного Исторического музея в Москве, удалось разбить существующие его варианты на семьи и выделить группу рукописей, воспроизводящих текст его, вероятно очень близкий к оригиналу.

По моим наблюдениям, именно к этой группе принадлежит одна из древнейших рукописей закона, находящаяся в собрании Государственного Исторического музея в Москве (№ 318/467), поразительно близкая к опубликованной В. Эшбернером² рукописи Парижской Национальной библиотеки (Par. gr., 1367) XII в. Она вносит ряд существенных поправок к основному тексту В. Эшбернера, наиболее обоснованной из числа имеющихся в настоящее время публикаций закона, выполненной по материалам семи древнейших рукописей западноевропейских собраний. Изучение этого древнейшего текста показало, однако, что и он представляет собою в достаточной мере сложное образование. В нем различаются и сейчас следы многократных дополнений, напластований, несомненно отражающих длительный и сложный процесс сложения

¹ Dinov Arion. Le νόμος γεωργικός et le régime de la terre dans l'ancien droit Roumain jusqu'à la réforme de C. Mavrocordat. Paris, 1929.

² W. Ashburner. The Farmer's law. The Journal of Hellenic Studies, XXX (1910) и XXXII (1912).

норм и обычаев, запечатленных в законе. Если в некоторых случаях эти наслоения и добавления и должны быть отнесены за счет перередактирования уже написанного текста закона, то другие — по всей вероятности — объясняются самим специфическим характером памятника, представляющего собой запись веками слагающихся обычаев и отдельных случаев правонарушений (ст. 11, 14, 27, 28). Таким образом, изучение внешней истории текста закона дает основание утверждать, что он представляет собой памятник обычного права, что прекрасно согласуется с „варварским“ характером греческого языка, на котором он написан.

Некоторые новые соображения могут быть высказаны и по вопросу датировки закона. Выше уже было указано, что никаких прямых данных о времени, месте и издателе закона, а также о его назначении, в нем самом не имеется. И в других источниках не содержится каких-либо указаний не только на издателя „Земледельческого закона“ или на время его издания, но и на самый факт его существования. Это тем более удивительно, что закон многократно переписывался и воспроизводился уже в древнейшие времена и использовался при составлении таких компиляций, как, например, Эклога, измененная по Прохирону, что указывает на исключительно большую его популярность. Основываясь на упоминании имени Юстиниана в заглавии закона, имеющемся в некоторых его версиях, исследователи пытались на этом построить гипотезу о том, что он был издан в VII в. Юстинианом II.¹ Это предположение было высказано еще Куяцием, Бахом, Райцом и Шеллем, но было оставлено, как неосновательное, уже в XIX в. Мортрейлем, Цахариэ фон Лингенталем и Васильевским. Я не имею возможности останавливаться здесь детально на рассмотрении этого вопроса, отмечу лишь, что на основании тщательной проверки истории текста заглавия закона, а также содержания закона, эта точка зрения мне представляется совершенно неверной. Имя Юстиниана обычно сопровождает в древнейших версиях сообщение о выборках из законодательных сборников, вошедших в состав „*Corpus juris civilis*“ Юстиниана I и, вероятно, фигурирует для придания „Земледельческому закону“ большей авторитетности и веса. Никаких оснований говорить о Юстиниане II заглавие поэтому не дает.

Сопоставление двух редакций статьи 19 показывает, что вторая, позднейшая из них, трактует о налоговых мероприятиях Никифора. Это дает основание считать, что закон возник до

¹ G. Vernadsky. Op. cit., p. 72.

802 г., т. е. до времени воцарения Никифора. Однако наличие в нем в то же время черт большого родства с Эклогой указывает, что он был издан одновременно с Эклогой или, вернее всего, вслед за ней, т. е. в промежуток времени между 741 и 802 гг.

Анализ его текста указывает на то, что нормы и обычаи, фиксированные в нем, складывались длительно, вероятно в течение нескольких столетий. Запись закона подвела итог этому сложному и длительному процессу.

Работа над текстом закона позволяет в настоящее время сделать некоторые новые выводы о локализации поселений, о которых в нем идет речь, а следовательно, и о его происхождении и назначении. Ландшафт, характеризуемый законом, — гористая, лесистая местность, прорезанная проточными водами, сильно запущенные, заброшенные местности — совпадает с границами империи VII — VIII вв.

Постоянные упоминания о лесной чаще, населенной дикими зверями, о нападении диких зверей на скот, о разработке и выжигании лесных участков, о распашке нови, об использовании целины в этом отношении достаточно выразительны, трактуя о хозяйственном быте селений, разбросанных в округах заброшенных, опустошенных и потому вновь осваиваемых.

Самая терминология закона является лучшим подтверждением этого положения. Постоянно встречающийся на протяжении текста закона термин „новъ“ (с производными от него глаголами), лишь в позднейших версиях уступающий место другим терминам для обозначения пахоты, с очевидностью показывает, что дело идет по преимуществу о разработке лядины, лесных зарослей, целины. Этот вывод подтверждается и другими данными, рассеянными во многих статьях закона.

Статьи закона дают основание судить и о земледельческой технике, о системе полевого хозяйства, сообщая интересные сведения об орудиях, применявшихся при земледельческих работах. Анализ материала закона, сопоставление с данными других источников — письменных и археологических, а также изображений в миниатюрах, позволяет прийти в этом отношении к некоторым новым конкретным выводам. Результаты его показывают, что в поселениях, быт которых отражен в древнейшем тексте закона, имела широкое применение лядная система хозяйства при плужной обработке поля с применением рабочего скота.

Сопоставление данных закона с западноевропейскими законодательными памятниками современной ему эпохи показывает, что уровень сельскохозяйственного производства в Византии вполне

совпадает с уровнем его в западноевропейских странах в ту же эпоху.

Я не буду останавливаться на более детальной характеристике хозяйственного быта, получившего отражение в законе, несмотря на важность этих сведений для истории хозяйственного быта Византии, сравнительно бедно документированного для рассматриваемой эпохи. Отмечу лишь, что из отраслей земледельческого хозяйства наибольшее внимание, кроме хлебопашества, отводится виноградарству и виноделию. Кроме того, упоминается о садоводстве. Но наибольшее место, наряду с хлебопашеством, занимает скотоводство. Контингент домашних животных, упоминаемых постоянно на протяжении текста закона, достаточно разнообразен: крупный рогатый скот, свиньи, овцы, бараны, ослы, собаки — объекты, которым законодатель уделяет самое большое внимание, детально регламентируя систему ухода за животными и обращения с ними.

Данная выше краткая характеристика системы сельскохозяйственного производства, основанная на всех имеющихся в настоящее время в нашем распоряжении данных, вероятно, далеко не полно отражает все многообразие действительности. „Земледельческий закон“ характеризует лишь одну определенную категорию поселений.

Но какова же была специфика тех сельских поселений, о которых шла речь, и какова их социальная природа? „Земледельческий закон“ дает для ответа на эти вопросы значительный материал. Из статей его вытекает с полной очевидностью, что те γεωργοί, о которых в нем говорится, были одновременно и непосредственными производителями, возделывающими поля своими руками, и владельцами участков, полноправно распоряжающимися своей землей, вплоть до возможности обмена ее со своими односельчанами на вечные времена (ст. 3; 4; 5). Нередко в одной и той же статье можно встретить обозначение одного и того же лица терминами γεωργός — земледелец — и κύριος τῆς χώρας, τοῦ ἀγροῦ и т. д. (ст. 17).

Термин же κύριος в значении землевладельца τοῦ χωρίου κύριος встречается лишь в одной из позднейших версий закона, относящихся к XII в., где речь идет о хозяине земли в смысле крупного землевладельца, феодала — владельца целого селения (ὁ τοῦ χωρίου κύριος), в новом абзаце, добавленном в ст. 81, отражая, видимо, уже изменившиеся к этому времени отношения.

Каждый участок земли — доля, жребий (μέρος, μερίς, σκέρφιον), включавший и пашню, и виноградник и сад, находился, по данным закона, в собственности отдельных земледельцев. Последние имели право полного распоряжения своими участками. Лишь о возмож-

ности полного отчуждения, продажи участков закон нигде не упоминает.

Однако, как показывает самая терминология закона, собственность эта в то же время носила в себе ярко запечатлевшиеся в терминах следы своего общинного происхождения. Ведь и доля (*μέρος* или *μερίς*) и жребий (*σάρδιον*) — термины, явственно указывающие на предшествующий раздел (*μερισμός*, *μερίσις*) некогда единой территории, очевидно находившейся в коллективной собственности всего села, „мира“, и разбитой на отдельные части (*μερίδες*). Неудивительно поэтому, что вопросу раздела земли закон уделяет специальное внимание, упоминая об общинных угодьях, пока еще не подвергавшихся разделу (ст. 32).

Во всех древнейших рукописях закона, помимо того, имеется специальная статья, допускающая возможность передела земли, если раздел был произведен несправедливо в жребиях и местоположении (ст. 81). Однако о существовании периодических переделов земли в законе и в современных ему источниках никаких упоминаний не имеется. Единственное свидетельство, говорящее в пользу предположения об их существовании, — это заметка магистра Космы, византийского юриста X в., — истолкованная впервые в этом смысле академиком Ф. И. Успенским.¹

Наличие общинных угодий, которыми распоряжался „мир“, нашло свое яркое отражение в законе. И постановления о переделе земли (ст. 8), и система превращения всех земель в общие пастбища для скота после снятия с них урожая (ст. 78 и 79), и право неограниченного потребления плодов в чужих виноградниках (ст. 61), и отсутствие полной кристаллизации права частной собственности на определенный участок земли (ст. 21) — все это черты, объяснимые лишь как остатки обычаев и порядков общинно-родового строя, следы исчезающего, но еще существующего господства некогда неограниченных общинных прав. Любопытно то, что закон в отношении права захвата брошенных земель другим лицом резко противопоставляет свое постановление законоустановлению Юстинианова кодекса. В случае захвата земли, возвратившиеся хозяева имели право претендовать, по постановлениям закона, лишь на равноценный участок, но отнюдь не на тот, который перешел в результате захвата в пользование другого владельца.

Важнейшей стороной процесса рождения частной собственности являлся рост общественного неравенства внутри общины. С этой точки зрения исследование текста закона дает большой, богатый

¹ Ф. И. Успенский. Наблюдения по сельскохозяйственной истории Византии, ЖМНП, ч. ССLIX, 888, октябрь, отд. II, стр. 241.

и интересный материал, характеризующий разнообразные формы крестьянской зависимости. Апоры, испольщики, мортиты, мистоты, рабы — таковы термины для обозначения этих зависимых людей, встречающиеся в законе. Анализ форм крестьянской зависимости не входит в задачу данной статьи, поэтому и на характеристике этих категорий специально останавливаться не буду. Отмечу лишь, что наряду с совершенно новыми для византийского права категориями крестьянской зависимости, как, например, мортит, мы здесь находим и старые термины — раб, мистот. Однако, как показывает изучение данных закона, поставленных в связь с показаниями других источников, в эти термины вкладывалось содержание, сильно отличавшееся от того, которое им придавалось во времена Юстиниана I.

Наличие неравенства, сосредоточение в руках одних членов общины движимого имущества, скота и даже рабов за счет обеднения и разорения других, утративших необходимые средства производства, — черты, характерные для стадии сельской общины — марки, — могут с полной ясностью быть констатированы в общинах „Земледельческого закона“.

Но какова же была та внешняя обстановка, в которой жили эти общины, и отразилась ли она как-либо в данных закона? В этом отношении чрезвычайно важны две статьи его (18 и 19), упоминающие о налоговых тяготах, возложенных на членов общины. В случае бегства земледельца со своего участка, налоговое обложение за покинутый участок должны были уплачивать односельчане бежавшего в порядке взаимной ответственности — круговой поруки, причем в ст. 19 в позднейшей редакции ее имеется ясный намек на ἐπιβολή, обычную в Византии „прибавку“ или „прикидку“ к постоянному налоговому обложению.

Наличие круговой поруки, в условиях развивающегося внутри общины имущественного неравенства, естественно, ложилось особенно тяжелым бременем на малосостоятельных членов общины. Раскладка поровну между неравными в имущественном отношении хозяйствами не могла не способствовать ускорению процесса внутреннего расслоения общины и разорению маломощных хозяйств. Именно этой тяжестью налогового гнета можно объяснить часто упоминаемые законом случаи бегства из сел и забрасывания участков их владельцами. Нужда в деньгах, необходимых для взноса платежей в казну, создавала благоприятные условия и для развития ростовщичества. Неимущие члены общины отдавали свои земли в заклад, уходя, в поисках заработка, в другие места или превращаясь в зависимых людей.

Выше уже говорилось, что заглавие закона содержит в некоторых рукописях указание на использование в нем законодательных сборников Юстинианова права, в виде переводов и парафраз, созданных уже в VI в. Однако замечательно то, что ближайшее ознакомление с содержанием древнейшего текста закона показывает, что это указание соответствует действительности лишь в очень незначительной степени.

В древнейшем тексте заимствований из Юстинианова права очень немного. Число их возрастает в позднейших версиях за счет пропуска некоторых других статей.

Огромное большинство статей закона представляет собой при сравнении с Юстиниановым правом совсем новое право, частично находящее себе аналогии в западноевропейских варварских Правдах V—VIII вв.

И следует сказать, что по своему ярко выраженному эмпирическому характеру, по отсутствию строгой системы в расположении отдельных постановлений, по отсутствию каких-либо обобщенных норм „Земледельческий закон“ имеет с варварскими Правдами сходство, гораздо более поражающее, чем со сборниками римского и римско-византийского права, о которых упоминает его заглавие.

Сходство с варварскими Правдами сказывается с наибольшей определенностью в самом конкретном подборе разбираемых случаев правонарушения. До двадцати статей „Земледельческого закона“ трактует о сюжетах, вполне аналогичных с соответствующими им статьями Салической и других Правд.

Однако, при наличии этого сходства, нужно отметить весьма важные различия — в системе наказаний. Вместо обычных для „Земледельческого закона“ санкций — клеймения, отсечения руки, сожжения, наказания плетью — варварские Правды предусматривают систему денежных штрафов. Система санкций закона роднит его не с варварскими Правдами, а с византийской Эклогой и с предшествующим римско-византийским законодательством. И обрезание языка, и клеймение, и ослепление, и отсечение руки применялись в Византии задолго до „Земледельческого закона“ преимущественно по отношению к рабам и частично к низшим категориям свободных (*humiliores*; ср., например, Nov. XVII, 8(535); Nov. XLII (537); Nov. CXXXIV, 18).

Подобной системы членовредительных наказаний мы не находим и у балканских славян. Характерно, что болгарский закон „Судный людем“, изданный, вероятно, при царе Симеоне и основанный в значительной степени на византийской Эклоге, смягчал наказа-

ние последней, заменяя членовредительные и телесные наказания денежным штрафом.¹

Следовательно, нельзя не констатировать в „Земледельческом законе“ известной двойственности: с одной стороны — черт общинных обычаев и порядков, сближающих его с варварскими Законами, с другой — элементов римско-византийской правовой системы, пронизанной пережитками рабовладельчества. Объяснение этой двойственности, думается мне, можно найти, если поставить этот памятник в связь с историческими событиями, которые переживала империя в VI—VIII вв., т. е. в период сложения и фиксации постановлений закона.

Вкратце их можно суммировать следующим образом.

Изучение всей наличной документации показывает, что еще в период IV — V вв. в балкано-малоазиатских областях бытовали свободные крестьянские общины, сохранявшие в себе черты родового строя и ряд свойственных этой стадии общественного развития обычаев и порядков. Одни из этих общин издавна существовали на территории империи, другие представляли собой новые поселения варварского происхождения².

Условия существования крестьянских общин и в европейских и в византийских областях были, по единогласным показаниям всех наличных источников, крайне тяжелы. Сообщения о восстаниях и протестах крестьянских масс проходят красной нитью через письменные документы этого времени. Несмотря на пополнение числа общин за счет новых варварских поселений, количество свободных крестьян в империи все уменьшалось.

Однако и в VI в., во времена Юстиниана, в малоазиатских горных областях продолжало существовать множество больших селений (*χωμὸν τι ἐστὶν αὐτῇ πλῆθος μεγάλων*), население которых отличалось, в глазах византийского правительства, „своеобразием своего образа жизни“ (*τῆς κατὰστάσεως ἰδιωτικῆς*), т. е., очевидно, сохранением своих родовых обычаев. На Балканах в VI в. некоторые из общин варварского происхождения, расположенные в пограничном придунайском районе, были укреплены. Данные новейших археологических исследований, произведенных в районе балканских

¹ См. Т. Флоринский. Древнейшие памятники болгарского права. Сборник по истории права, посвященный М. Ф. Владимирскому-Буданову, 1914, стр. 413.

² См. A. Jones. The cities of the Eastern Roman provinces, Oxford, 1937 (с подробной библиографией по отдельным провинциям); A. Ramsay. The historical geography of Asia Minor; Cities and bishoprics of Phrygia; Mc Lean Harper. Village administration in Roman province Syria, Yale, 1928, и др.

укреплений империи, вскрывают условия повседневного существования и гибели некоторых из этих общин, разрушенных штурмом аваро-славянских племен. Население их занималось в мирное время сельскохозяйственным трудом, а во время войны несло также и важнейшие защитные функции.

Начиная с VI в., по свидетельству современников, на территории империи появляются прочные поселения славянских племен. Острая гражданская война, разгоревшаяся на востоке империи в VII в., восстание димов в Константинополе, военные мятежи — события, которыми был отмечен период правления последних предшественников Ираклия, подготовили почву для успешного продвижения не только иранских, но затем и арабских войск.

В условиях обострившихся классовых противоречий внутри империи и слабости и расшатанности центральной власти, терпевшей удар за ударом на Востоке, империя не могла противостоять прочному заселению большей части Балканского полуострова славянами в конце VI и первой половины VII вв.

В середине VII в. начинается целая серия экспедиций византийских императоров и полководцев против славянских племен. Первоначально, связанные по рукам и ногам напряженной войной на Востоке, императоры выступали лишь против македонской — северной группы племен, представлявшей более непосредственную опасность для столицы. Однако походы эти (657, 678, 687 гг.) привели лишь к незначительному успеху. Некоторые племена признали верховенство империи и частью были переселены (Юстинианом II) в малоазийский округ Опсикий. Прочие же остались независимыми, хотя территория, занятая их поселениями, и считалась номинально византийской.

В дальнейшем, в течение первой половины VIII в., никаких известий о походах императора против славян до Константина V (поход 758 г.) не имеется. Внутренние смуты, которые заполняли историю империи в начале VIII в., дворцовые перевороты, осада арабами Константинополя в 717 г., павликианское, иконоборческое движение поставили в центр внимания правительства иные животрепещущие вопросы.

Итак, ко времени издания „Земледельческого закона“ (т. е. к середине VIII в.) значительная часть территории империи была заселена славянскими племенами.

Племена эти могут быть подразделены на две большие группы. Одни — большая часть — сохраняли независимость от империи; другие были в большей или меньшей степени подчинены императорами (Константом II, Константином Погонатом и Юстинианом II).

И хотя империя сохранила во всех своих балканских провинциях отдельные укрепленные посты — фемы, как Фессалоники, Стримон, крепости на Эвбее, укрепления Патр, Коринфа, Никополя и т. д., все же основная масса населения этих районов удерживала в большей или меньшей степени независимость от империи и обычаи и порядки, отличные от византийских.

На основании фрагментарных сведений источников трудно установить точную локализацию этих общин и хронологию процесса колонизации. Но даже и имеющиеся данные позволяют заключить, что поселения славянских племен, не всегда известных по имени, имелись не только на европейской, но даже, в результате внутренней колонизации, проводившейся императорами, и малоазиатской территории.

В Македонии в VII в. близ Фессалоник жило племя берзитов (βερζῆται), участвовавшее в осаде Фессалоник 676 г. Далее, к востоку от них, по реке Струмице жили участники осады 685—687 гг. струмонцы и стримонцы (Струмονίται у Камениаты и σκληρίνοι οἱ ἀπὸ τοῦ Στρυμῶνος в легенде о Дмитрие Солунском). Вероятно, именно в эти районы Македонии и ходил Юстициан II в 637 г., о чем глухо сообщают Феофан и Константин Багрянородный. По реке Мести (Местос), по сообщению Никиты Хониата, жили смоляне. Никита упоминает о существовании фемы смолян (σμερόνιοι, τὸ θέμα τῶν Σμερόνιων). На юго-запад от смолян, на реке Ринхине, на берегу Орфанского залива жили ринхины, о которых упоминается в легенде о Дмитрие. Близ ринхинов жили сагудаты (σαγούδατοι, σαγούδαται σαγούδατοι). На запад от Фессалоник находились поселения другувитов (легенда о Дмитрие). Одноименные с ними драгувиты жили и в северо-западном углу Фракии — в районе соединения Родоса с Балканами. Там и сейчас имеется речка, носящая именование Дреговицы. Кроме этих племен, на побережье южного Эпира к северу от залива Арты жило племя ваюнитов (βαιουνῆται), также участвовавшее в осаде Фессалоник 676 г.

В окрестностях Фессалийских Фив и Дмитрияды находились селения велегизитов, выступавших в союзе с ваюнитами.¹

В Греции, близ древней Спарты, на восточных и западных склонах Тайгета, жили милинги и езериты, многократно отважно выступавшие против византийских властей, несмотря на применявшиеся по отношению к ним репрессии (о них сообщает Константин Багрянородный).

В Малой Азии уже в середине VII в. в Вифинии существовали славянские поселения. Об этом свидетельствует сохранившаяся

¹ L. Niederle. Manuel de l'antiquité slave, I, 1923, стр. 107 сл.

печать славян-федератов, относящаяся ко времени около 750 г.¹ Были и некоторые другие поселения.

Славянские племена, поселившиеся на территории империи и в ближайшем соседстве с ней, вошли в тесное соприкосновение с местным населением. По всей вероятности, в рассматриваемую эпоху их объединения уже не представляли собой родовых общин, объединенных единством родового происхождения, а являлись сельскими территориальными общинами.

По мнению Дринова, около половины VII в. балканские славяне были разделены на множество отдельных колен, соединенных не столько общим происхождением, сколько общим сожительством, — большинство из них называлось не по имени родоначальника, а по местности.²

Отдельные общины под руководством своих князей-жупанов объединились в крупные союзы племен для совместной борьбы против византийских властей.

Таков был, например, союз другувитов, сагудатов, белегезитов, ваюнитов и других племен при осаде Фессалоник 676 г. Иногда же, как, например, в 685—687 гг., такого полного единства действий не было: в то время как одни племена (ринхины, стрименцы и сагудаты) осаждали Фессалоники, другие (белегезиты) поддерживали осажденных, доставляя им съестные припасы.

Как известно, славянские общины оказывали упорное сопротивление византийским властям, пытавшимся наложить на них тяжелые путы византийского подданства. Добиться полного осуществления своих целей империи удалось лишь через много столетий. Даже еще в XIII в., в эпоху франкского завоевания, фессалоникских славян характеризовали как смелых людей, не имеющих почтения к императору.

В VII—VIII вв. дело обстояло, следовательно, еще значительно хуже для империи. Степень подчинения отдельных племен византийскому императору была различна, определяясь в каждом отдельном случае исходом борьбы.

В одних случаях признание византийского верховенства влекло за собой насильственное переселение покоренных в другие области. Таков был результат борьбы Юстиниана II против македонской группы славян. В других — следовали иные тягостные для подчиненных последствия. Репрессии против пелопонесских племен ми-

¹ Б. А. Панченко. Памятник славян в Вифинии. Изв. Русского археологического института в Константинополе, VIII (1902).

² М. С. Дринов. Заселение Балканского полуострова славянами, М., 187?, стр. 15

лингвов и езеритов включали обложение их данью, сумма которой впоследствии неоднократно менялась в зависимости от соотношения сил борющихся сторон. Наконец, иногда расправа приводила к полному закрепощению побежденных. Такова была, например, судьба славянских общин, участвовавших в осаде Патр в 807 г. Константин Багрянородный сообщает, что они превратились в знапографов метрополии и должны были содержать за свой счет, деля между собой тяготы, всех приезжих в метрополию сановных и должностных лиц.

Константин приводит любопытное донесение пелопонесского протоспафария Иоанна Протея императору Роману Лекапину (по поводу восстания милингов и езеритов), в котором упоминаются три пункта обязательств, которые правительство стремилось налагать на покоренных. Пункты эти следующие: 1) признавать архонтов, назначенных византийским стратигом, 2) отбывать военную службу и 3) платить известную подать.¹

Однако, как показывают имеющиеся далеко не новые, вероятно, данные источников, таких результатов византийским властям удавалось добиваться далеко не всегда. В отношении первого пункта между племенами были существенные различия. Сагудаты, по свидетельству Константина Багрянородного, еще и в X в. сами избирали своих вождей, лишь затем утверждавшихся стратигом.² В некоторых племенах, с другой стороны, вожди были прямыми ставленниками империи. Так, например, в 807 г. некоторые из вождей сообщили заранее правительству о подготавливаемом восстании. Наконец, смоляне, славяне Стримона, Опсикия и другие просто подчинялись византийским начальникам. То же, вероятно, имело место и по отношению к другим пунктам, перечисленным в донесении Протея.

Но из этого вытекает, что даже из числа славянских племен, подчиненных империи, многие в рассматриваемую эпоху еще должны были, вероятно, сохранить в более или менее неразрушенном виде свои обычаи и порядки — обычаи и порядки, свойственные высшей стадии варварства, хотя и деформированные враждебными византийскими властями. Именно благодаря этому обстоятельству общины, широко распространявшиеся по территории империи в VI—VIII вв., и могли внести струю новой жизни в византийское общество и государство в переживаемый им критический момент. Именно поэтому они и сыграли роль, более или менее аналогичную роли общины-марки на Западе.

¹ Const. Porphy. De adm. imp., 217.

² Const. Porphy. De cer., 37; De adm. imp., 223.

Источники сохранили мало сведений о внутреннем строе этих общин, об условиях их хозяйства и повседневного существования, уделяя преимущественное внимание описанию военных достоинств и тактических приемов славянских племен, которые, естественно, особенно интересовали их противников. Однако в „Тактике“ стратега Маврикия (источнике, относящемся, по всей вероятности, к концу VI или началу VII в.) можно найти наряду со специфически военными вопросами и чрезвычайно интересные данные хозяйственно-бытового порядка. Отмечая, что „племена славян и антов сходны по своему образу жизни, по своим нравам, по своей любви к свободе“, Маврикий делает некоторые любопытные наблюдения и в части характеристики этого образа жизни и особенностей, вероятно наиболее бросавшихся в глаза. По его словам, у славян „имеется большое количество скота и плодов земных, лежащих в кучах, в особенности проса и пшеницы“, что несомненно указывает на широкое развитие скотоводства и земледелия. Селятся же они, по сообщению Маврикия, в лесах, у непроходимых рек, болот и озер. Кроме того, описывая их военные приемы, он замечает, что они не имеют над собой главы и враждуют друг с другом; из этого можно заключить об их догосударственном состоянии, характерном для высшей стадии варварства.¹

Итак, в итоге краткого обзора важнейших черт истории славянских колонизаций на территории империи, нами установлены следующие наиболее существенные моменты.

1. Славянские поселения представляли собой в VI—VIII вв. сельские территориальные общины с чертами, характерными для высшей стадии варварства.

2. В рассматриваемую эпоху они получили широкое распространение по всей территории империи, располагаясь и в балканских и в малоазийских ее областях (в последних — в результате насильственных переселений, практиковавшихся византийскими императорами).

3. Излюбленными районами поселений славянских племен были глухие, лесистые местности, часто у рек и озер.

4. Хозяйство их включало в себя широко развитое скотоводство и земледелие (злаки).

5. Признание ими верховенства империи влекло за собой подчинение византийским властям, или их ставленникам, и отбывание

¹ Те же черты отмечает и Прокопий (De bell. Goth., III). Первое славянское Болгарское государство возникло в придунайском районе в последней четверти VII в. и охватило на первых порах лишь незначительную часть славянских племен.

воинской повинности, уплату налогов и податей (наравне с низшими категориями свободных византийского общества); в худших случаях следовало закрепощение.

Но и по данным „Земледельческого закона“ было установлено:

1) Что закон был ориентирован на регламентацию жизни сельских поселений, имеющих ярко выраженные черты высшей стадии варварства — и именно стадии сельской территориальной общины-марки.

2) Что поселения эти локализовались в глухих и заброшенных лесистых областях близ проточных вод.

3) Что хозяйственная жизнь этих сельских общин характеризуется широким развитием скотоводства и разнообразных видов земледелия (в том числе и хлебопашества).

4) Что система санкций закона приравнивала юридическое положение членов общины к положению низшей категории свободных, подлежащих налоговому обложению.

Сопоставление тех и других независимо друг от друга полученных выводов дает основания утверждать, что происхождение „Земледельческого закона“ стоит в непосредственной связи с распространением славянских поселений на территории империи. Именно этим можно объяснить бросающееся в глаза сходство отразившихся в законе обычаев с описаниями быта славянских племен, игравших столь важную роль для империи в современную закону эпоху.

Однако вывод этот требует существенного уточнения. Вряд ли можно считать, что пределы применения закона ограничивались одними лишь славянскими общинами. Против такой интерпретации памятника говорит ряд веских соображений.

Прежде всего обращает на себя внимание отсутствие в законе какой-либо этнической характеристики. Географическая же характеристика памятника совпадает с пределами империи в ту эпоху (стр. 150). Экстенсивная система сельского хозяйства, рассчитанная на разработку заброшенных и вновь осваиваемых земель, в сочетании с характером ландшафта, наиболее распространенного в империи, не вносит в этом отношении какого-либо более узкого локального ограничения. В результате военных событий VI—VIII вв. число покинутых и разоренных земель должно было быть очень значительно и в европейских и в азиатских областях. Достаточно напомнить о широком размахе аваро-славянских нападений, которые неоднократно опустошали Фракию, Македонию и Грецию и доходили до самого Константинополя. Не менее пострадала и Малая Азия от постоянных военных вторжений иранских и арабских войск.

Запущенное и разоренное хозяйство во всех этих областях в равной степени нуждалось в восстановлении.

При этих условиях наиболее жизнеспособной формой сельского хозяйства в ранне-феодальной Византии оказалась свободная крестьянская община с ее традициями коллективного труда и остатками коллективной собственности на землю. Огромную роль в распространении общинных порядков несомненно сыграла славянская колонизация.

Местные общины, находившиеся еще недавно в состоянии глубокого упадка, расцвели новой жизнью в связи со славянской колонизацией VI—VIII вв., т. е. в связи с процессом варваризации восточных (как и западных) областей бывшей „мировой“ Римской империи.

Вместе с тем, в глазах византийского фиска естественно выросшие и сплоченные коллективы сельских общин имели важные преимущества с точки зрения интересов казны. К ним легко была приложима система круговой поруки. Эти коллективные налогоплательщики, принадлежавшие, к тому же, к незащищенному привилегиями классу населения, служили наиболее надежным источником налоговых поступлений. Они же несли на себе тяготы воинской повинности.

Таким образом, сельская община превратилась в основную экономическую опору византийского централизованного государства, придя на смену полурабской форме колоната.

О степени распространения крестьянской общины и ее удельном весе в общей экономике византийского государства можно судить по многократным мероприятиям византийских императоров уже в X—XI вв., направленным к защите общинных земель от расхищения их и закрепощения крестьянства местными феодалами. По характерному определению новеллы Романа II (935), „крестьянские общины из числа многих других выполняют многочисленные полезные функции, как платежом государственных налогов, так и отбыванием воинской повинности“¹.

Все изложенное дает основание предполагать, что „Земледельческий закон“, очевидно, имел назначением фиксировать результаты стихийных изменений, происшедших в аграрном строе империи в VI—VII вв. и сказавшихся в широком распространении общинных порядков.

В своем содержании закон, естественно, исходил прежде всего из правопорядков, свойственных славянским общинам, как наиболее

¹ Zachariae von Lingenthal. *Jus graeco-romanum*, III, Leipzig, 1859—1886, p. 247.

важной для империи в рассматриваемую эпоху группы новообразованного крестьянства. Черпая материал своих постановлений из неразрушенных еще обычаев славянских племен, закон использовал их в интересах империи и для этого втискивал их в „прокрустово ложе“ римско-византийских правовых норм. Таким образом, „Земледельческий закон“ явился своеобразной кодификацией славянского обычного права, своеобразным *lex slavica* (хотя и сплавленного с византийским), что и создало ему исключительную популярность у славянских народов (стр. 148).

Однако значение этой кодификации выходило далеко за пределы одних только славянских общин. Закон с полным основанием может рассматриваться как замечательный памятник новых, более прогрессивных, чем колонат, общинных отношений, установившихся в аграрном строе ранне-феодальной Византии. Закон, разумеется, не исчерпывал всего многообразия сельскохозяйственных условий своей эпохи. Задачей его являлась регламентация только наиболее важных для того времени форм крестьянского землевладения, именно сельской территориальной общины — своеобразной византийской параллели западноевропейской марке.

Образование кадров свободного крестьянства в империи не могло не вызвать подъема производительных сил, оживления экономики страны. Запущенные и заброшенные прежде пашни возделывались вновь. Покинутые округа оживали. Именно благодаря этому экономическому подъему империя успешно вышла из кризиса VII—VIII вв. и приобрела силы для дальнейшего длительного существования.
